

М.Н. ХАБИБУЛЛИНА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-3(Сорокин В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8.43

«ОЧАРОВАННОСТЬ КИТАЕМ»: ОБРАЗ ТРАНСКУЛЬТУРНОГО БУДУЩЕГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. СОРОКИНА¹

Аннотация: В статье ставится задача рассмотреть образ будущего в поздних произведениях Владимира Сорокина. На материале романа «День опричника» и книги рассказов «Сахарный Кремль» автор статьи исследует способы создания художественного мира новой России, вернувшейся к государственной политике опричнины. Особое внимание уделено анализу интеграционных процессов между Россией и Китаем и выявлению функций «китайских» образов. Предпринята попытка проследить дальнейшую динамику русско-китайских отношений в картине будущего, представленной в повести «Метель» и романе «Теллурия».

Ключевые слова: В. Сорокин, опричнина, трансгрессия, Китай, политика, тоталитаризм, деконструкция.

Творчество Владимира Сорокина отвечает самым острым социальным запросам своего времени. Политические изменения в России начала XXI века послужили своеобразной живородящей субстанцией для произведений автора. По замечанию М. Абашевой, «...вектор, формирующий эволюцию В. Сорокина в XXI в., определяется не столько переменами в индивидуальной авторской поэтике, сколько ее тесным взаимодействием с идеологическим, политическим, культурным контекстом, почти одновременным акту письма» [Абашева 2012: 202]. Исследовательница предлагает изучать механизмы этого взаимодействия с целью более глубокого проникновения как в художественную эволюцию писателя, так и в значение контекстов, на фоне которых она разворачивается.

Так, опубликование романа «День опричника» (2006) и продолжающей его идеи книги рассказов «Сахарный Кремль» (2008) совпало с первыми шагами российского общества в направлении нового поли-

---

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Стратегии трансгрессии в современной русской литературе» (Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2003.6)

тического курса. Первое демократическое десятилетие России вскрыло глубинные проблемы страны, не способной отказаться от опыта собственного прошлого.

Соединяя политический и художественный дискурсы, Сорокин создает образ России, вновь ступающей на путь традиционализма и возвращающейся к таким особенностям советского общества, как «принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром» [Гудков, Дубин, Зоркая 2008: 5].

«Я произвел для себя некий мысленный опыт, – поясняет Сорокин. – Что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской? России некуда будет погружаться кроме как в свое прошлое. Это будет вызвано идеологической потребностью, поскольку все героические образы для массового сознания в прошлом, в глубоком прошлом. Но без современных технологий такая идеология будет нежизнеспособна. Поэтому, собственно, из моего умозрительного опыта и выводится такая формула – человек в кафтане, разъезжающий на «Мерседесе» с водородным двигателем» [Соколов 2006]. Сорокин актуализирует в России 2027-ого года модель правления Ивана Грозного. Марк Липовецкий остроумно определяет подобную конструкцию метафорой «ретробудущее» [Липовецкий 2010].

Но остранение современных российских реалий происходит не только за счет трансгрессивного соединения разных временных пластов: пространство опричной России настойчиво осваивает Китай.

Интерес Сорокина к Китаю возникает еще в романе «Голубое сало» и сквозным вектором проходит через все поздние произведения. Сорокин видит в симбиотическом союзе с Китаем новые для России перспективы. Однако не стоит исключать ироническую подоплеку подобных следующему высказываний автора: «В Китае потрясает громадная потенция, чисто физиологическая... Они совсем другие, поэтому меня и завораживает идея китайской гегемонии. Завораживает идея алхимического брака между Китаем и Россией. Мне кажется, из этого может выйти нечто великолепное» [Сорокин 2006]. В результате чего создается сатирический образ российского будущего, вскрывающий проблемы его настоящего.

Одной из главных особенностей сорокинского будущего России является жесткая изоляция ее от остального мирового сообщества. Если в «Голубом сале» происходит возрождение Великой Китайской Стены, впрочем, не влияющей на интеграционные процессы между Россией и Китаем, то в «Дне опричника» Сорокин по уже отработан-

ной модели начинает «возводить» Великую Русскую Стену, что можно считать материализацией метафоры советского «железного занавеса». Подтверждается это и упоминанием ритуального сожжения загранпаспортов на Красной площади. Однако изоляция здесь нарочито избирательна, и Великая Русская Стена носит охранительный характер только от европейского мира «киберпанков», экспрессивно названного «б<...>ской пятой колонной», что вызывает прямые аллюзии с некоторыми политическими аспектами современности.

Иного рода отношения разворачиваются у новой России с Китаем. Суть их изображена в диалоге опричников с Батей:

«Откусывает Батя от ноги индюшачьей, жует, а сам ногу ту над столом воздымает:

– Вот это откуда, по-вашему?

– Оттуда, Батя! – улыбается Шелет.

– Правильно, оттуда, – продолжает Батя. – И не токмо мясо. Хлеб, и то китайский едим.

– На китайских «меринах» ездим! – ощеривается Правда.

– На китайских «Боингах» летаем, – вставляет Пороховщиков.

– Из китайских ружей уток Государь стрелять изволит, – кивает егерь.

– На китайских кроватях детей делаем! – восклицает Потыка.

– На китайских унитазах оправляемся! – добавляю я» [Сорокин 2009: 183-184].

Так, в «Дне опричника» появляются образы общекультурных реалий, имеющих китайское происхождение. Причем «китаизированы» реалии из всех сфер: от сакрализованного хлеба до телесно-низовых предметов.

Кроме того, в тексте появляются образы, имеющие особый «китайский колорит». Так, например, изображен дом одного из столбовых: «В гостиной все на китайский манер – лежанки, ковры, столики низкие, вазы в человеческий рост, свитки, драконы на шелке и из нефрита зеленого. Пузыри новостные тоже китайские, гнутые, черным деревом отороченные. Восточными ароматами пованивает. Мода, ничего не поделаешь» [Сорокин 2009: 25].

Эта мода оказывает ощутимое влияние и на языковую сферу. На страницах «Дня опричника» значительно реже, чем в предыдущих текстах Сорокина, появляются китаизмы и словесные новообразования, созданные на базе китайского языка. Но в сорокинском мире будущего китайский язык играет роль схожую с английским в настоящем: его считают одним из основных и необходимых. Более того, владение китайским языком становится показателем принадлежности к

элитам: им пользуются государственные служащие, он обязателен для представителей некоторых «престижных» профессий, на «старомодном» китайском говорят члены государевой семьи.

Также в «Дне опричника» Сорокин наделяет Китай функциями разработчика и экспортера изысканных средств наркотического опьянения: разрешенных только в избранных кругах золотых рыбок, плавание которых по кровеносной системе героев обеспечивает выход сознания в трансцендентные сферы. Во время одного из таких наркотических путешествий опричник Комяга с членами братства видит галлюцинации, отражающие их коллективные желания: они превращаются в дракона с семью головами и с дикой, демонической радостью сеют разрушение в ненавистной им Америке.

Таким образом, в художественном мире романа Россия оказывается в положении между резко отвергаемой Америкой и воспринимаемым в качестве союзника Китаем. Вероятно, так Сорокин актуализирует проблему геостратегического выбора России между Западом и Востоком. При этом и та, и другая цивилизации в романе становятся иллюстрациями двух противоположных начал в классической трактовке Владимира Соловьева, представленной в работе «Три силы». Согласно Соловьеву, Запад является миром, где утверждается воля безбожного человека, провозглашено торжество индивидуального и дана «свобода частным формам жизни, свобода лицу и его деятельности» [Соловьев 1989: 19]. Восточная деспотия охарактеризована правлением бесчеловечного бога, «подчиняющего человечество во всех сферах и на всех степенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве стремится смешать и слить все многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни. Один господин и мертвая масса рабов» [Соловьев 1989: 21]. У России же, по Соловьеву, особая миссия: «Только Славянство, и в особенности Россия осталась свободною от этих двух низших потенций и, следовательно, может стать историческим проводником третьей» [Соловьев 1989: 25].

Неоднозначность отношений между представленными «силами» и вопрос самоопределения России получают в романе своеобразное философское истолкование. Включив «вражескую» радиостанцию, опричник слышит, как «басит Борух Гросс про Америку, ставшей подсознанием Китая, и про Китай, ставший бессознательным России, и про Россию, которая до сих пор все еще является подсознанием самой себя» [Сорокин 2009: 143]. Учитывая в романе Сорокина явные и скрытые отсылки к некоторым современным политико-экономическим фактам, позволим себе ряд замечаний по поводу данного фрагмента.

Целесообразным представляется начать с последнего тезиса, где Россия объявлена подсознанием самой себя. Смысл этой части видится в стремлении России «вытеснить из сознания», отправить в подсознательные сферы собственную самобытность, «оптировать» в пользу Запада или Востока, подогнать себя либо под американскую буржуазную, либо китайскую деспотическую модель развития. При этом радиоведущий указывает, что Россия бессознательно свой выбор уже сделала: несмотря на формальное стремление к демократии, она не отказывается от установок советского прошлого и фактически следует тому же пути, что и ее авторитарный сосед: «Китай – бессознательное России» [Сорокин 2009: 143]. В то же время автор взрывает противоречивость и китайского политического вектора: «Америка – подсознание Китая» [Сорокин 2009: 143]. Нам видится значение этого высказывания в том, что на сознательно-идеологическом уровне коммунистический Китай придерживается антиамериканской позиции. Но, осуществляя техническую модернизацию, неминуемо ведущую к расслоению общества и порождению класса предпринимателей, Китай вынужденно следует западному образцу развития.

Таким образом, в художественном будущем Сорокина вопрос о месте России между двумя мировыми цивилизациями не только не снимается, но в силу сложнейших диалектических изменений этих цивилизаций ставится еще более остро. Но автор предлагает своеобразный путь решения: по карте России через всю ее территорию связующей нитью между Востоком и Западом проходит трасса «Гуанчжоу-Париж»: «Дорога! Мощная эта вещь. Идет она из Гуанчжоу через Китай, ползет через Казахстан, через Южные Ворота в Южной Стене нашей, потом – через Россию-матушку и до самого Бреста. А там – напрямик до Парижа. Дорога «Гуанчжоу-Париж». С тех пор как все мировое производство всех главных вещей-товаров потихоньку в Китай Великий перетекло, построили эту Дорогу, связующую Европу с Китаем. Десятиполосная она, а под землею – четыре линии для скоростных поездов. Круглые сутки по Дороге ползут тяжелые трейлеры с товарами, свистят подземные поезда серебристые. Смотреть на это – загляденье» [Сорокин 2009: 123]. Таким образом, Россия не ощущает своего полуколониального положения и даже пытается извлечь выгоду путем паразитизма и сбора неоправданно высоких таможенных пошлин.

Если в более ранних текстах Сорокин, отвечая на миф обыденного сознания о китайской нарастающей технократической мощи и скором мировом господстве, создает образ Китая как опасного Другого, то здесь Китай – вынужденно принятый союзник, «одомашненный»

свой, не внушающий былой опасности или же как таковой Россией не воспринимаемый.

Весьма наглядной здесь оказывается одна из сцен в фильме Александра Зельдовича «Мишень», снятого по сценарию Владимира Сорокина. Офицер таможни Николай, занимающийся главным образом сбором «дани» у китайских водителей на уже упоминаемой трассе «Гуанчжоу-Париж», с восхищением показывает своей любовнице голографическое изображение России, проектируемое на стекле его автомобиля: «У нас замечательная страна, замечательная. Вот смотри, там солнце встало, вон туда еще 7 тысяч километров желтое поле, вон туда три тысячи километров – Атлантический океан, туда – Ледовитый. Все это наше. Ты можешь себе представить?». В то время как за стеклом автомобиля проходит многополосная трасса, и ни на секунду не редет поток китайских большегрузных фур. Изображения выстроены так, что на реальную картину дороги проецируется карта России. Таким образом, Россия выступает лишь в качестве придатка, значение которого – обеспечивать функционирование крупнейшей транспортной артерии.

Мотив отражений и взаимных просвечиваний в этой сцене словно намекает на сложную систему отношений России и Китая. «Китай» в произведениях Сорокина работает как гротескное, увеличивающее зеркало, призванное сатирически показать России в начале ее нового пути те опасности, которым она будет подвержена в случае отказа от либерализации и усилении имперских амбиций.

В книге рассказов «Сахарный кремль» (2008) Сорокин изображает конец опричного государства. Образ Комяги, появляясь в нескольких рассказах книги, находит свое завершение в последнем из них, где он был убит. При этом вторая пуля направлена в сахарную фигурку Московского Кремля – знака государственного единства, организующего в цельный художественный мир теперь не только Москву, представленную в «Дне опричника», но и провинции России: упоминаются в тексте Подмосковье, Пермь, Вятка, «косоглазый» Хабаровск и др. В образе сахарного Кремля отразилась стратегия отношений современной российской власти с народом: муссирование идей единения страны, национальной самобытности, экономической и политической стабильности.

Аллегорический образ сахарного Кремля коррелирует не только со своим белокаменным прототипом, но и с «Великой Русской Стеной», в строительство которой, так же, как и в поглощение лакомства, вовлечено все население страны:

«Спрашивает Марфуша. Отвечает Умница голосом послушным:

– Для завершения Великой Русской Стены осталось положить 62 876 543 кирпича.

Подмигивает дед нравоучительно:

– Вот, внученька, кабы каждый школьник по кирпичу слепил из глины отечественной, тогда бы Государь враз стену закончил и наступила бы в России счастливая жизнь.

Знает это Марфуша. Знает, что никак не завершат строительство Стены Великой, что мешают враги внешние и внутренние. Что много еще кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло. Растет, растет Стена Великая, отгораживает Россию от врагов внешних...» [Сорокин 2008: 18-19].

Но среди этих врагов опять же не числится Китай. Более того, он продолжает утверждаться на территории России, однако теперь скорее интенсивно, чем экстенсивно: китайские и квазикитайские реалии упоминаются реже, но в школах теперь обязателен для изучения китайский язык, получают распространение китайские роботы, а сахарные стены и башенки Кремля весьма символично употребляются в пищу с китайским чаем.

Таким образом, гротескный художественный мир, представленный в книге рассказов «Сахарный Кремль» развивает и приводит к завершению линии, намеченные в «Дне опричника»: герой, глазами которого мы видели будущее России, погибает, главный символ государственности (Кремль) разрушен, финал книги наполнен апокалиптическими предсказаниями («вселенная рушится, земля трясется» [Сорокин 2008: 336], «Завтра мы будем жить в другой стране. Завтра будет поздно!» [Сорокин 2008: 346]).

Однако катастрофы не происходит, и в следующих книгах Сорокина – повести «Метель» (2010) и романе «Теллурия» – у постопричной России есть будущее, хотя оно еще более трансгрессивно.

Если в «Дне опричника» и «Сахарном Кремле» представлены мотивы, намекающие на скрытую китайскую колонизацию России, то в повести «Метель» Китай окончательно отказывается от роли метрополии. Более того, китайцы появляются только в финале повести и выступают в качестве витальной силы, противостоящей архетипическому образу русской метели как демонической стихии, несущей хаос и смерть. Новая угроза исходит из самой России. М. Липовецкий рассматривает повесть как воплощение сюжета внутренней колонизации, где идеи героя о необходимости насильственной модернизации России разбиваются об ее иррациональные силы.

Интерес Сорокина к социально-политическим изменениям в России носит ярко выраженную футурологическую направленность, для

писателя перестает быть важным свершившееся настоящее. Отсюда, внимание Сорокина к китайской теме угасает по мере экономического и политического сближения России и Китая. И если говорить о предсказанном автором «алхимическом браке» между государствами еще рано, то «помолвка» уже состоялась. Китай стал российской реальностью.

В связи с этим в российском будущем, изображенном в последнем романе «Теллурия», место Китаю отведено самое незначительное. Теперь взгляд писателя обращен к Европе: «Она мне ближе. На Востоке я бывал, конечно, и он мне интересен, но я с ним никак не связан: ни языком, ни географией. Я жил в Японии, но не могу сказать, что знаю Японию. А европейцев я все-таки знаю и знаю, как их описывать. Европейские страхи мне знакомы. Идея мира «Теллурии» лежит скорее в сфере стилистически интуитивного. Ведь это мир раздробленный. А если есть чему дробиться, то, наверное, все-таки Европе. Там есть некая целостность, чего, кстати, уже нет в постсоветской России. А чтобы адекватно описать дробящийся Китай, нужно быть китайцем» [Кочеткова 2013].

Итак, интерес Сорокина к китайской теме начинает проявляться в текстах последних лет XX века. Своего апогея он достигает в политических сатирах: повести «День опричника» и книге рассказов «Сахарный Кремль». Полное завершение его прослеживается в последних книгах писателя. Таким образом, поздние тексты Сорокина выстраиваются в своеобразный метасюжет, отражающий динамическое настоящее России и намечающий абрис ее будущего. Осмысление проблем современного пути развития России и их последствий происходит в постмодернистском ключе: понять себя через Другого, оценить изменения в России с помощью образа Китая.

В одном из последних интервью Сорокин утверждает, что планирует несколько отойти от литературного творчества, что доказывает полную завершенность метасюжета о «китайском» будущем России.

ЛИТЕРАТУРА

Абашева М.П. Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология Выпуск 1(17). Пермь, 2012, С.202-209.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Кочеткова Н. Владимир Сорокин: «У нас просвещенный феода-

лизм»: интервью // Corpus. 2013. URL <http://www.corpus.ru/press/our-enlightened-feudalism.htm> (дата обращения: 17.03.2014)

Липовецкий М. Метель в ретробудущем: Сорокин о модернизации // OpenSpace. Литература. 2010. URL: <http://www.openspace.ru/literature/projects/13073/details/17810/> (дата обращения: 28.04.2014).

Соколов Б.В. Владимир Сорокин: Опричнина – очень русское явление: интервью // Грани. 2006. URL: <http://www.srkn.ru/interview/bsokolov.shtml> (дата обращения: 22.04.2014).

Соловьев В.С. Три силы. Публичная лекция: 1. Православное обозрение. 1877. Январь // В. С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. М.: 1989. Т. 1. С. 19-31.

Кормильцев И. Сорокин о своих увлечениях кулинарией, собаководством и литературой: интервью // Влдмр Срkn: офиц. сайт Владимира Сорокина. 2007. URL: <http://srkn.ru/interview/kormiltsev.shtml> (дата обращения: 17.03.2014)

Сорокин В.Г. День опричника. М.: Захаров, 2009.

Сорокин В.Г. Сахарный Кремль. М.: Астрель: АСТ, 2008.